

Максимъ Богдановичъ

Зеленя

стихи

переводъ съ болгарскаго автора

Переводы стиховъ — словно женщины:
если красивы, то не верны; если верны,
то не красивы.

Или писат. поговорка.

Ярославль

1909 - 1912

1875

1875

1875

1848

London

Home

I have the honor to acknowledge the receipt of your
 kind letter of the 10th inst. in relation to the
 late report made by the committee on the
 subject of the proposed amendments to the
 constitution of the United States. I have
 been very much interested in the
 proceedings of the convention, and
 particularly in the discussion of the
 subject of the proposed amendments.
 I have been very much interested in the
 proceedings of the convention, and
 particularly in the discussion of the
 subject of the proposed amendments.
 I have been very much interested in the
 proceedings of the convention, and
 particularly in the discussion of the
 subject of the proposed amendments.
 I have been very much interested in the
 proceedings of the convention, and
 particularly in the discussion of the
 subject of the proposed amendments.

Из цикла „Старинное наследство.“

Соннетъ.

„Суровый Данте не презирал сонета...“ А. Пушкинъ.

Что изъ того, что стихъ въ душу кипитъ?

Онъ черезъ глотокъ мысли протекаетъ

И тупитъ лишь твердость формъ обрываетъ,

Какъ воскъ, что при гаданьи въ воду влитъ.

Поэтъ всегда обдуманно творитъ.

Въ тотъ мигъ, когда валь чувства грудь вздымается,

Въ мгновенье умъ холодный выступаетъ:

Онъ взвѣситъ все, проверитъ, расчленитъ.

Таковъ и ты, чертащій надъ землею

Ночное небо яркою дугою,

Блестящій, золотистый метеоръ.

Горишь ты, оплакиешься, несешья

Весь въ искрахъ огневыхъ за кругозоръ,

А въ глубинѣ холодной остаешься.

Турioлетъ

„Красавецъ, князь Турioлетъ...“ К. Грановъ.

На солнце заглядывал я,

И солнце очи ослепило.

Затывалъ, что сердце свѣтъ любило,

На солнце заглядывался я.

Красавецъ я пошелъ, но была

Не въ стодъ мнѣ сльгота моя:

На солнце заглядывался я,

И солнце очи ослепило.

Оне были с тобой
 Ты мой друг ты мой
 И не забудь, как была рада
 Душа моя твоему приходу,
 Обручась со тобой счастливо
 Благословенной твоей любовью,
 Как и ты, удачной счастливо
 Твоей любовью...

Триолетъ XVIII вѣка

Мне долгое забвенье Ваши
 Черныя Вашия черныя косы.

Пронзаетъ душу остриемъ

Мне долгое забвенье Ваши.

Я поблуднѣлъ отъ тонныхъ слезъ

И началъ триолетъ словами:

„Мне долгое забвенье Ваши

Черныя Вашия черныя косы.“

~~От этого-то~~ и плу поплъ идет.

Въ старомъ саду.

Изящный садъ - такой, какъ у Валто:

Блещутъ статуи въ листьвѣ зеленой,

Вдали - прохладный гротъ, фонтанъ безсонной,

Блескъ ... Вѣрно саду жить унѣ сто.

Весь погруженъ душой въ былые дни,

Спохотну мечтательно, разсѣянно мистаю

Поэта новаго ... и закрываю,

Смущенный мыслью, что это не Парни.

Скверцо.

Отъ востанувшей дятельной лавы
 Въ моей души осталась сладость.
 Я не забывь, какъ была рада
 Душа отъ пинки шоколада,
 Обернутой со всякъ стороны
 Бумажной пестрой, какъ шуринкой;
 Тамъ подъ „загадочной картинкой“
 Стоялъ вопросъ: гдѣ Зулуданъ?

Я не забывь, какъ долго съ ней
 Сидѣлъ я въ комнаткѣ моей,
 Безмолвно мучась надъ загадкой,
 Котъ и поконжавъ съ шоколадкой.
 Вгдѣ здѣсь же, здѣсь таинвая ты.
 Вгдѣ можетъ быть черезъ мгновенье
 Среди чуждаго изобразенья
 Твои проглянуть вуружъ черны

И воткнушь ты передо мной
Св. крылатой, острого ступьей,
Мне въ сердце ильгтацей, и св. лукомъ
Зажечь готовишь грозный звукъ...
Но ильгтъ тебя — и, огорченъ,
Я даже плакать принимаюся.
Что жъ ты очамъ не показанъ,
Любви властитель, Купидонъ?

Св. тыль поръ прошло немало дней,
И снова передъ душой моею
Вотрося забытый св. силой новой
Встаетъ, тревожный и суровый.
Я Купидона вновь искаю
Теперь пытаюся неслыло,
Но такъ печально это дѣло,
Что лучше про него молчать.

Сильно и говорю. Въ пестрой юбка обезьянка
 Корчить уны "какъ баба ходитъ по воду"
 И гудитъ "Тоску по родитъ" шаршанка;
 Я же къ птичка въ клеткѣ "счастѣ" братъ иду.
 Но съ такими стараньемъ кивомъ вынимаешь
 Птичка сгорая или голубой башетъ,
 Что душа невольно вскричитъ ей желаетъ.
 Не обманешь? Нѣтъ!

Серьезно, птичка, нѣтъ?

Подними на небесах свои взоры -

И ты станешь опять, как дитя,

И затихнут больные укоры,

Пропадут, отъ души отлетя.

Ей не нужно ни счастья, ни маски,

Вз сердца нитя ни тоски, ни заботы.

Ты - царевна метаморфозной сказки,

Эта тужка - коверь самолета.

Из цикла „Полны-трава“.

Ужаснее небо темнеть.

День кончилась, ночь впереди.

Блестательных звезд ожерелья

Порвались на Божьей груди.

Разыпались звезды и чутко

На землю, на край наши глядят.

Что-то видят они там, что слышат?

Затряхивают все дрожат и дрожат?

Прогните съ угастьемъ правдивую эту,
Печальную бвыль.

Знали горячя, чистыя слезы
На сѣрую нощь.

Сверкали дрожащя чистыя слезы
Срываясь, катясь,
Но въ душиной и сѣрой пыли обратились
Въ холодную глель.

Слышимъ звукъ? Это дико-печальный мѣсяць
 Замерзая на лѣсной, позабытой ужь ладѣ.
 Торгъ руками его, какъ на моргъ бурюнь,
 Слово тысячи туги натянутаеь струнъ
 Токлоствольная сосны гудятъ.

Отпадъ, отчего взволновалась рѣчка,
 Шепотъ тихій идетъ къ полюсъ съ полюсы,
 И о чемъ иль звенитъ говорокъ вътерка,
 Что дрожитъ и блещитъ на листьяхъ дубняка,
 И капли слезъ иль холодной росы?

Озеро.

Тутъ ростъ густой, суровый боръ
И львиий жемъ; когда жъ таторъ
Въ бору раздался - львиий спикуръ
И, унъ не виданный съ тьмъ горъ,
Намъ зеркальце свое покинулъ.

Какъ будто въ мръшой окно,
Лежитъ, спокойное, оно,
Телекве жизни отражаетъ
И все, что спикуро давно,
Въ холодной глубинъ скриваетъ.

Скоро вечеръ въ прошедшее канетъ.

Блещутъ звезды пушистыя, свѣтитъ

Мѣсяцъ блѣдный, холодной и тянетъ

Изъ рѣчки серебристыя струи.

Въ нихъ русалки загутали косы,

Вьются и плывутъ влажныя нити ...

Ночь плыветъ надъ землею, свѣтъ росы,

Тихо шепчетъ русалкамъ : „Уходите.“

На насъ тошительно, угрюмо наливается
Изъ выси чудовище окутанное мглою.

Все стихнуло. Но вотъ блестящей колосою
Мель огневой ее внезапно разъякаетъ.

Зарина миганко онъ — и громомъ прокатился!
Блеститъ грозный мель, удары не шлокаются,
И кровь холодная ужъ бурно внизъ спадаетъ,
А люди говорятъ, что это дождь прошедая.

Взглянь цвѣтотъ обѣта камина,
Но взгля камина Марина.

— „Отчего ты какъ ивсацъ асна?—“

— „Я не знаю“ — сказала она.

Разъ вернулась поздно Марина,
Въ волосахъ же бѣлится камина.

— „Отчего ты какъ ивсацъ странна?—“

— „Я не знаю“ — сказала она.

Но не вѣкъ расцвѣтаетъ камина,—

Не влетаетъ цвѣтовъ ужъ Марина.

— „Отчего ты какъ ивсацъ грустна?—“

— „Я не знаю“ — сказала она.

А когда облетѣла камина,

Отправилась зельемъ Марина,

И, какъ ивсацъ далекий, бѣгдна

Въ бѣлошь гробъ легла она.

Ты вечером крещенскимь ворожила,
Прозрачный воск струею в воду шила,
Мелкая угадать мою судьбу, —
И видишь — колмихъ... крестихъ... Да, могла!
Тогда не пройдетъ, какъ буду я въ гробу.

Намшуривъ бровки, воскъ со дна ты взяла,
Его тревожно стискивала, шила
И улыбнулась: „Будь судьба закономъ?
Знай, чья бы мощь его насъ ни встрѣгала,
Въ моихъ рукахъ какъ воскъ погнется онъ.“

Лето.

Сегодня было так тепло,
Что дядя - и тоть спустился съ меня,
Сънь такъ, гдѣ горячѣе некло,
И улясь въ тулунъ старомъ плечи.

Виднѣлся боръ, сивѣла даль,
Акругъ нахло медомъ и тугавою ...

А дядю дансе и не зналъ,
Что скоро будетъ онъ землию.

Теплый вечер, тихий ветер, мягкий стог
Уложим спать меня на грудь земли.

Не курится пыль столбами вдоль дорог,
Въ небо шмеля сядет блудный рог,
Въ небо тихо звезды расцвѣли.

Убаюканной вечерней тишиною

Позабыл я, где рука, где голова.

Вижу я, въ природой слившись душою,

Какъ дрожатъ отъ ветра звезды надо мною,

Слышу, какъ растетъ въ тиши трава.

Изъ цѣля „Старая Голорусь“

Переписчикъ

На конканонъ листъ предъ узенькимъ окномъ,
Строй ровнѣе, четкіе буквы выводитъ онъ перомъ
И красную строку шенъ черными рядами
Вставляются изрядка; заморскими звѣрями,
Младыми, птицами, вѣнками изъ цвѣтовъ
И многокрасочнымъ сметеньемъ завитковъ
Онъ украшаетъ строку; — довольно есть скоровки, —
Свои пригожіе заставки и концовки
И заголовки все, — вѣдь некуда спѣшитъ!
Порой привстанетъ онъ, чтобъ лучше заострить
Перо гусиное и глянеть:

кратко солнце

Столбомъ прозрачнымъ иметъ свой свѣтъ черезъ оконце
И золотая нѣшь струится шенъ лучей;

Вдали надъ бѣлыми громадами церквей
Глистаютъ купола; проворно надъ крестами,
Какъ жаръ горящими, проносятая кругами
Струйки веселые; а тутъ, вблизи окна,
Машиновка поетъ и стучаема жельна.

И вновь онъ склонится, заставку вновь выводитъ
Недркиль серебромъ; неслышно день проходитъ,
Настанетъ скоро ночь и первая звезда
Благословитъ конецъ пригонскаго труда.

Из цикла „Старая България“

Книга.

Псалтирь, покрытую нежесткой бурой кожей,
Я взяв, чеканныя застёжки оттолкнув,
Пересмотрев ряды кириллицы приложной
И воска съ ладономъ приятный духъ вдолнувъ.

Прочелъ псаломъ: „Какъ лань къ источнику стремится,
Такъ рвется, Господи, къ Тебѣ душа моя.“

Получила свѣжестью старинная страница,
И съ тихой радостью гитарю книгу я.

Въ концѣ ея стоитъ нелинейная приписка:

„Для искупленія грѣмовъ души своей“

Списалъ псалтирь Иванъ изъ града Волковска

Въ году семь тысячъ сто восьмомъ съ начала дней.“

Мне снилось...

Я все выше и выше на гору поднимался
Уж солнцу, яскому солнцу, что даритъ намъ теплое.
Но čímь больше къ нему я по скаламъ приближался,
Темь суровѣе холодъ становился кругомъ.

Загрустивъ слегка согнутой подъ моими ногами,
Обжигало морозомъ мое лицо все сильнѣй...
И упрямый, усталый, впередъ пошелъ я сльзами:
Тамъ хоть солнце и дальше, но сидеть теплое.

✓
Богатый, милой, все жь люблю я
Твоей и мудрой и кичливой стихья, Анакреонъ!
Чужь она будитъ, кровь волнуя,
Радость бодрая въ чашь дошлетъ, вьетъ жаркую она.

Стихья такой, какъ даръ природы,
Виноградное, густое, святое вино:
Дни идутъ, проходятъ годы,
Но становится съ годами все милоднѣй око.

Давно завянули цветы, —
Морозъ ихъ погубилъ;
Зачемъ же мертвые цветы
Онъ по стеклу возрастить?

Ишь, бивдныишь, сердца не убьешь
Красою черныишь своихъ,
Какъ не охулишь его убьешь
Колодный этотъ стихъ.

KП-965